

УДК 93.338(71+9)(9)

Государственный сектор в экономике британских доминионов в XIX–XX вв.: оценки и интерпретации

Л.Н. Семенова

Институт парламентаризма и предпринимательства (г. Минск)

Государственная собственность и государственное регулирование сыграли и продолжают играть важную роль в экономике Канады, Австралии, Новой Зеландии, обусловив высокий уровень их общественно-экономического развития. В данном исследовании анализируются некоторые концепции известных канадских, австралийских, новозеландских ученых, объясняющих формирование в XIX–XX вв. столь значительного государственного сектора, или государственного социализма по терминологии тех времен, в доминионах Британской империи. Историки прежде всего обращают внимание на роль географических (большая удаленность и огромные размеры), природных, климатических особенностей стран. В настоящее время подобные интерпретации активно разрабатываются в рамках такого влиятельного историографического направления, как социоестественная история (СЕИ).

Среди дискуссий в экономических и гуманитарных науках важное место занимают обсуждения проблем взаимоотношений государственного и частнопредпринимательского секторов и, в более широком смысле, эволюции государственного активизма и рыночного саморегулирования. Спектр сформированных и прошедших испытание практикой позиций невелик: две крайние теории – классические либеральные и социалистические, доказывающие необходимость преобладания соответственно частного и государственного начала; и промежуточные, обосновывающие необходимость их гармоничного сочетания. Для анализа современной, переходной к постиндустриальной экономики вновь востребованным оказался термин «смешанная экономика». Основой смешанной экономики ведущих стран современного мира признается многообразие форм собственности и эффективное сочетание государственного и рыночного регулирования. Как подчеркивает известный американский социолог, теоретик постиндустриализма Э. Тоффлер, разнообразие и неоднородность – вот важнейшие признаки перехода к постиндустриальному обществу [1].

Такие высокоразвитые и благополучные страны, лидеры разнообразных рейтингов, как Канада, Австралия, Новая Зеландия, сформировали у себя эффективную смешанную экономику, для которой в отличие от многих капиталистических стран Запада и прежде всего США, так же, как и они, относящихся к типу стран переселенческого капитализма, характерна высокая доля государственного сектора. Такая ситуация сло-

---

Адрес для корреспонденции: 220019, г. Минск, ул. Сухаревская, д. 38, корп. 1, кв. 123, e-mail: lunis17@mail.ru – Семенова Л.Н.

жила не в одночасье, а на протяжении всего пути развития этих стран и была обусловлена множеством факторов их истории.

В предлагаемом исследовании автор ставит своей целью изучение концепций авторитетных исследователей британских доминионов по вопросу о необходимости, роли и значении государственного сектора в их экономиках. Достижению цели помогут следующие задачи: характеристика эволюции государственного активизма в эпоху капитализма; сравнительный анализ степени присутствия государственного социализма в Канаде, Австралии, Новой Зеландии; исследование точек зрения по данному вопросу С. и Б. Веббов, Г. Инниса, А. Лауэра, Р. Хатчинсона, У.К. Хэнкока.

Материал и методы. Данная статья является историографическим исследованием. В качестве материалов использованы научные работы различных авторов. Они изучены на основе таких общелогических методов и приемов, относящихся к общенаучным методам, как анализ, синтез, индуктивные обобщения, дедуктивные выводы.

Результаты и их обсуждение. В раннее Новое время в период первоначального накопления капитала и мануфактурного капитализма государство занимало важные позиции в экономике, не только создавая для нее законодательные рамки и обеспечивая рабочей силой на основе принудительного «кровавого законодательства», но и проводя меркантилистскую торговую политику, в соответствии с которой оно регулировало таможенные тарифы, обеспечивало торговые монополии и создавало необходимые предприятия за государственный счет, что было своеобразным началом государственного сектора. В эпоху индустриального рыночного капитализма либеральная экономическая доктрина провозгласила экономику самодостаточной, саморегулирующейся и отвела государству лишь политическую и правовую роль ее «ночного сторожа». Основой такой экономики, безусловно, считалась частная собственность. Государственная собственность и деятельность государства в качестве экономического агента на рынке в принципе не исключались, но в рамках капитализма признавались нецелесообразными. Названные положения, соответствуя идее общественной собственности, давно входили в арсенал социалистических теорий, которые на их основе проектировали экономическую основу социализма как более прогрессивного общественного строя, антикапиталистического по своему характеру. Любая государственная активность, выходящая за рамки предписаний либерализма, называлась социалистической, а сектора экономики с государственным бизнесом – государственным социализмом.

Как уже отмечалось, в промышленно развитых странах в XIX в. государственный социализм отрицался. И если на практике отдельные его элементы неплохо функционировали, то идеологически он будет признан только в первой половине XX в. серьезно эволюционировавшим новым социальным либерализмом и кейнсианством в качестве государственного сектора смешанной экономики. А в XIX в. успехи экономического развития, как правило, ассоциировались с частной собственностью и частно-предпринимательской инициативой. Ярким примером такого развития служили США. В этой связи небезынтересна точка зрения экономиста М. Голанского, который считает, что «частная собственность – признак нетерпимости и развития, общественная собственность – признак терпимости и застоя. Переход к общественной собственности означает собой конец экономического саморазвития общества, прекращение расширения

искусственной емкости среды обитания человека» [2]. По его мнению, капитализм уйдет со сцены естественным путем в связи с экологическим кризисом на рубеже XX–XXI вв.

В XIX в. капитализм был на подъеме. Освоение доминионов свидетельствовало о расширении среды его обитания. Следуя этой логике, двигателем быстрого экономического развития доминионов, как и в США, должна была быть частная собственность. Но вместе с тем экономику доминионов отличало наличие большой доли государственной собственности и государственного активизма в целом. Это была новая своеобразная черта в развитии, рассматриваемая как часть их социально-экономического эксперимента. Еще в начале XIX в. небезызвестный английский деятель Э.Г. Уэксфилд, работавший теорию «систематической колонизации» для освоения Австралии и Новой Зеландии, говорил, что новые страны требуют «достаточного правительства» (ample government) [3].

Между собой три доминиона различались разными примерами присутствия государственного социализма: в Канаде оно было наименьшим, в Австралии – средним, в Новой Зеландии – максимальным. Канадские историки – исследователи Канады – всегда подчеркивали значительную роль государства в ее развитии. Р. Кук писал, что «для канадцев роль пограничных земель рассматривалась как образ действий центральной власти, в результате которого достигалось включение новых территорий в существующую систему» [4]. Эту же тему развивал М. Кросс: «Из-за громадных географических размеров и трудностей американский образец самостоятельного аграрного поселения на первых порах редко когда был возможен. Сначала надо было освоить пространство, обеспечить транспорт, связь и рынок. Таким образом, схема освоения большей части страны была довольно однотипной: сначала появлялись пионеры, занимавшиеся предпринимательской деятельностью и часто менявшие место своего пребывания; затем государство занималось организацией территории, помогало развитию транспорта; в конце приходил постоянный, как правило, сельскохозяйственный поселенец. Подобная схема действовала в эпоху меховой торговли, в период лесоразработок, а затем во время развития железных дорог, горнодобывающей и нефтяной промышленности» [4, с. 6–7]. А. Лауэр считал, что «доминион Канада представлял собой плановое общество. В нем никогда не было негативного государства типа *laissez-faire*, основанного на индивидуалистических доктринах, его государство с самого начала было позитивным, полу-социалистическим» [5]. Роль государства в Канаде можно даже подчеркнуть таким фактом. Если любимым народным героем американцев был ковбой, то своеобразным канадским символом стал королевский конный полицейский – представитель государства, гарант законности и порядка. Итак, государственная собственность и государственная активность была, пользуясь выражением известного канадского экономиста Г. Инниса, важной частью канадского экономического пейзажа [6].

«Отец австралийской историографии» Уильям Кит Хэнкок подытожил и развил традицию характеризовать большую роль австралийского государства в терминах «экспериментальный социализм австралийской демократии», «австралийский социализм», «социализм без доктрины», «государственный социализм». Он писал, что «австралийская демократия стала рассматривать государство в качестве широкомасштабного

предприятия общественного пользования, чья обязанность состоит в обеспечении величайшего счастья для большого количества людей». «По мнению австралийца государство является не более чем коллективной властью для обслуживания индивидуальных прав». В Австралии не сложилось характерного для либерализма противопоставления между личностью и государством. Анализируя государственный социализм, Хэнкок отмечал: «Государственная собственность и управление экономическими ресурсами может быть предпочтительнее частной собственности и управления по двум причинам: во-первых, государство, будучи более сильным, чем отдельный человек или группа, может эксплуатировать и управлять этими ресурсами более эффективно; во-вторых, от государства, которое является инструментом независимых индивидов, можно ожидать, что оно будет направлять свою власть на общественное благосостояние, тогда как человек или корпорация, располагая такой же властью, скорее направят ее на собственные цели, не соответствующие общественным» [3, р. 72–73, 128].

Бесспорной страной государственного социализма была признана Новая Зеландия. Одними из первых такую оценку дали ей теоретики английского фабианского социализма С. и Б. Вебб. Американский исследователь Роберт Хатчинсон, определил роль государства еще проще: «социализм в Новой Зеландии». Так он назвал свою книгу, опубликованную в 1916 г. Хатчинсон писал: «Новая Зеландия – лучшее место для изучения государственного социализма потому, что там его больше, чем в каком-либо другом месте мира... Но мы можем понять людей, пишущих и о капитализме в Новой Зеландии потому, что там также есть и капитализм». «Государственный социализм – это цель, к которой прогрессирует капитализм». Это феномен, находящийся в становлении, но не ставший чем-то завершенным [7]. Остроумный английский драматург и фабианец Дж.Б. Шоу после посещения Новой Зеландии в 1934 г. вообще назвал ее «коммунистической» [8].

Столь красочные оценки имели под собой серьезные основания. Почему общества доминионов, в отличие от других стран, нуждались в столь сильном государстве и безоговорочно принимали его многочисленные функции и огромные полномочия? Как говорили современники, если среднестатистический европейский или североамериканский либерал того времени свято верил в классический либеральный принцип «пожалуйста, управляйте мной как можно меньше», то среднестатистический новозеландец, воспитанный, кстати, на той же либеральной литературе, почему-то предпочел другой лозунг, прямо противоположный, – «пожалуйста, управляйте мной как можно больше» [9]. Эта проблема является одной из интереснейших и дискуссионных тем в историографии.

Заключение. Объяснение этого факта исключительно переселенческим характером колоний, при котором местное население в расчет не принималось и прибывавшим переселенцам приходилось все создавать с нуля, поэтому коллективизм естественно становился для них средством выживания, не является достаточным. Его нарушает история США. Учитывается ярко выраженный прагматизм правящих элит, могущих экспериментировать в условиях отсутствия разветвленной бюрократии, влияния аристократии, острой партийно-политической борьбы и т.д. Подчеркивается особая аполитичность эмигрантов. Если первыми эмигрантами в Америку были люди, преследовавшиеся за религиозные взгляды, для которых главной ценностью была политиче-

ская свобода, то главными мотивами эмиграции в доминионы были экономические. Экономический прагматизм рядовых поселенцев поддерживал прагматизм руководства на государственном уровне. Однако, на наш взгляд, самые интересные и аргументированные интерпретации рождаются под воздействием социоестественной (СЕИ) или экологической истории, размышляющей над влиянием на историю общества природных, климатических, географических факторов. С этой точки зрения положение доминионов сразу оказывается гораздо менее благоприятным, чем в США, и настолько сложным, что одной частной инициативой экономика поддерживаться не может.

В условиях отдаленности доминионов от метрополии, их огромных размеров, особенно «стран-континентов» Австралии и Канады, главной заботой государства становилось создание транспортной инфраструктуры – ключевого звена государственного сектора в Канаде. Учитывая жаркий, засушливый климат Австралии, помимо транспорта важнейшим элементом ее государственного сектора были ирригационные системы. В Новой Зеландии, стране с благоприятным климатом, прекрасными природными условиями, главной проблемой которой была лишь удаленность от Европы, государственный активизм в меньшей степени был обусловлен географическими условиями, а в большей степени сознательной, продуманной политикой правящих кругов, актом их политической воли, именно так понимающих свою миссию по обустройству страны.

Л и т е р а т у р а

1. Тоффлер, Э. На пороге будущего / Э. Тоффлер // «Американская модель»: с будущим в конфликте. – М.: Прогресс, 1984. – С. 38.
2. Голанский, М.М. Что нас ждет в 2015 г. (экономический прогноз против утопий) / М.М. Голанский. – М.: Наука, 2008. – С. 10, 13.
3. Hancock, W.K. Australia / W.K. Hancock. – L.: Ernst Benn Limited, 1930. – P. 69.
4. Кук, Р. Граница и метрополия: опыт Канады / Р. Кук // XIII Международный конгресс исторических наук. – М.: Наука, 1970. – С. 7.
5. Lower, A.R.M. Colony to Nation. A History of Canada / A.R.M. Lower. – Toronto: Longmans Canada Limited, 1964. – P. 379.
6. Innis, H.A. Essays in Canadian Economic History / H.A. Innis // Ed. by M.Q. Innis. – Toronto, 1969. – P. 78.
7. Hutchinson, R.H. The “Socialism” of New Zealand / R.H. Hutchinson. – N. Y.: New Review Publishing Association, 1916. – P. V, VII.
8. Маевский, В. Первый или пятый. Записки журналиста / В. Маевский. – М.: Мысль, 1960. – С. 158.
9. Irvine, R.F. The Progress of New Zealand in the century / R.F. Irvine, O.T.J. Alpes. – L., 1902. – P. 331.

S U M M A R Y

This article deals with conceptions of famous foreign historians studying the role of state socialism in economy of Canada, Australia, New Zealand in XIX–XX centuries.

Поступило 7.02.2008